

Н.Н. Султанмуратов*, Ф.Т. Кукеева, Е.С. Чукубаев, А.Б. Смаилова

*Казахский национальный университет им. аль-Фараби, Алматы, Казахстан
(E-mail: Nuriddin.sultanmuratov@gmail.com; fturar@mail.ru; aizhan.smailova@kaznu.kz)*

Перспективы турецко-американских отношений при президентстве Байдена

Прошедшие в ноябре прошлого года президентские выборы в Соединенных Штатах Америки по традиции вызвали огромный интерес всего мирового сообщества. Как известно, любая новая американская администрация фактически всегда предполагает в той или иной степени изменения политики Белого дома как внутри страны, так и на международной арене. Соответственно, итоговая победа кандидата от демократической партии Джо Байдена многими воспринимается именно в этом контексте. Тем более, что его предвыборная риторика явно указывала на пересмотр отдельных решений Трампа. С точки зрения современных глобальных процессов особенно актуальной видится, прежде всего, ситуация с внешней политикой. И в этом случае ожидается основательная ревизия американской стратегии. Подобное относится и к отношениям, например, с Турцией. В настоящий момент связи между Вашингтоном и Анкарой переживают нелегкие времена. При этом с приходом Байдена обстановка может еще больше обостриться. На повестке дня стоит вопрос возможного введения американских санкций против правительства Эрдогана. Безусловно, подобный сценарий способен внести серьезный раскол между двумя государствами.

Ключевые слова: Байден, Эрдоган, президентские выборы, Соединенные Штаты Америки, Турция, внешняя политика.

Введение

В последние годы отношения между Турцией и Соединенными Штатами Америки складываются весьма напряженно. Действительно, к настоящему моменту в двусторонних связях накопилось довольно большое количество разного рода сложных противоречий, некоторые из которых требуют экстренного решения. В противном случае возникает вероятность эскалации, следовательно, скатывания ситуации в полноценный кризис между двумя членами НАТО. Подобный сценарий особенно актуален в условиях смены политической власти в США. Поскольку с приходом нового президента от демократической партии Джо Байдена ожидается определенная корректировка внешней политики Вашингтона, в том числе и в турецком направлении.

В данном контексте следует обратить внимание на тот факт, что во время предвыборной гонки лично сам Байден и его команда в целом негативно высказывались о нынешнем турецком руководстве. В частности, в прошлом году во время своего интервью, тогда еще кандидат на пост президента США не только выразил серьезную обеспокоенность политикой Эрдогана по ряду вопросов, но и еще сделал довольно громкое заявление: «Я думаю, что сейчас нам следует использовать другой подход к нему (*Эрдоган. — Авт.*), давая ясно понять, что мы поддерживаем руководство оппозиции. Он (*Эрдоган. — Авт.*) должен заплатить цену... нам следует поощрять лидеров турецкой оппозиции, чтоб они смогли победить Эрдогана. Не путем переворота, но посредством выборного процесса» [1]. Эти слова вполне ожидаемо вызвали большой резонанс в Турции. На этом фоне совсем неудивительно, что незамедлительно с резким осуждением выступили турецкие власти, которые увидели в высказываниях Байдена вмешательство во внутренние дела собственного государства.

Что примечательно, указанный инцидент не был единичным случаем, и подобного рода критические заявления звучали от Байдена и представителей его штаба на систематической основе. Так, во время предвыборной гонки кандидат от демократической партии пообещал на официальном уровне признать геноцид армян турецким государством [2]. Если учитывать высокую чувствительность армянского вопроса для современного турецкого общества, подобный шаг потенциально может нанести серьезный урон двусторонним отношениям.

Таким образом, в связи с победой Байдена на выборах многие обозреватели закономерно предполагают заметное ужесточение позиции его администрации касательно Турции. Здесь дело даже не

* Автор-корреспондент. E-mail: Nuriddin.sultanmuratov@gmail.com (Н.Н. Султанмуратов)

только в том, что традиционно президенты от демократической партии более сосредоточены на вопросах демократии и прав человека, и как раз с этим аспектом в сегодняшней Турции не очень хорошо. Все-таки главным камнем преткновения представляются существующие глубокие политические разногласия между Анкарой и Вашингтоном по тем или иным аспектам. С этой точки зрения наиболее актуальными проблемами представляются конфликт вокруг американской политики в Сирии, а также покупка Турцией российской системы ПВО С-400 «Триумф». Во многом от урегулирования этих и других вопросов будет зависеть траектория развития двусторонних отношений.

При этом надо отметить, что на данном этапе среди американского истеблишмента сложился некий консенсус с точки зрения Турции. Как и демократы, так и республиканцы в своем большинстве выступают за принятие более жестких шагов против правительства Эрдогана. В этом плане прежняя администрация Дональда Трампа в известной степени избегала крайне радикальных мер и повышения ставки в отношениях с Анкарой.

Хотя следует отметить, в тот период американцы так или иначе вводили ряд ограничений против правительства Эрдогана. Например, Вашингтон исключил Турцию из программы по производству новейших американских истребителей пятого поколения F-35. Это стало реакцией на приобретение турками названного выше российского вооружения. Кроме того, в прошлом декабре в рамках Закона «О противодействии противникам Америки посредством санкций» США ввели ограничительные меры против отдельных турецких официальных лиц и государственных институтов. Или же можно вспомнить экономические санкции 2018 года из-за ареста американского пастора в Турции, которые тогда ускорили процесс вхождения турецкой экономики в рецессию. Но, тем не менее, все эти запретительные действия Трампа по большому счету не носили критического характера, соответственно, не могли оказать серьезного воздействия на общую обстановку.

Теперь же, учитывая изначальную позицию Байдена, Анкаре будет сложно рассчитывать на поддержку Белого дома. На этом фоне для нее увеличиваются риски введения действительно жестких санкций, которые могут привести к непредсказуемым последствиям, в том числе и с точки зрения политического будущего самого Эрдогана. В итоге возникает вопрос: «Будет ли реализован подобный сценарий, следовательно, к чему это может привести, или же стороны все-таки найдут компромисс?».

Методология и методы исследования

В процессе проведения исследовательской работы авторами были использованы различные методы анализа, в том числе акцент был сделан на контент-анализе и сравнительно-историческом анализе.

Биполярная система и внешняя политика Турции

Начало так называемой «холодной войны» в некотором смысле стало поворотным моментом в углублении сотрудничества Анкары с западным миром. Территориальные претензии Советского Союза, следовательно, потенциальная военная угроза со стороны более мощного восточного соседа тогда не оставляли турецким властям никакой альтернативы тесному сближению с США и его партнерами [3]. Кульминацией подобной стратегии можно считать вхождение Турции в НАТО, что случилось в 1952 году. В данном контексте членство в Северо-Атлантическом альянсе выступало некоей гарантией безопасности.

Но, тем не менее, даже в этих условиях взаимоотношения Анкары и условного Запада в тот период не всегда были стабильными. С этой точки зрения наблюдались определенные взлеты и падения. Например, в прошлом серьезным испытанием для двусторонних связей стал конфликт вокруг кипрского вопроса. Тогда в 1974 году ситуация особенно накалилась, когда на фоне осуществленного здесь греческой армией военного переворота Турция отправила на остров свои вооруженные силы. В связи с этим моментом возникли сильные разногласия между Анкарой и Вашингтоном. В итоге в 1975 году американцы ввели оружейное эмбарго против Турции. Что важно, данная мера в том числе предусматривала прекращение различной финансовой помощи по оборонной линии. В свою очередь, в качестве ответной реакции турки в той или иной степени ограничили доступ США к военным объектам на своей территории, включая и такую важную базу, как Инджирлик. В целом, данный кризис продолжался довольно долго, пока в 1978 году санкции не были полностью отменены.

Но важно подчеркнуть, несмотря на официальное урегулирование проблемы, кипрский инцидент оказал серьезное влияние на восприятие турецким правительством и обществом роли США.

Главным образом вся эта история с эмбарго привела к резкому усилению антиамериканизма [4]. Однако общие геополитические интересы, а именно противодействие коммунистическому блоку, всегда превалировали над проблемными вопросами в двусторонних отношениях.

Впрочем, даже после распада СССР, когда исчезла необходимость противостояния общей угрозе, сотрудничество США и Турции продолжило активно развиваться в различных сферах. По многим вопросам стороны так или иначе зависели друг от друга. Среди прочего Анкаре особенно требовалась поддержка американцев в борьбе против терроризма. Как известно, в 1978 году было образовано сепаратистское движение местных курдов, которые начали вооруженную борьбу против Турецкого государства. В определенные периоды военные столкновения становились весьма интенсивными. Естественно, что в подобных условиях тогда еще экономически довольно слабая Турция крайне нуждалась в военно-финансовой помощи Вашингтона. Так, именно благодаря содействию американских спецслужб в 1999 году в Кении был схвачен и доставлен в Турцию лидер курдских сепаратистов А. Оджалан [5]. С другой стороны, США всегда рассматривали Анкару в качестве важного партнера с точки зрения реализации собственной политики в окружающем регионе. В связи со стратегическим расположением Турция является воротами НАТО не только на Ближний Восток, но и на Кавказ и зону Черного моря. В последнем случае страна контролирует проходы по проливам.

Но, несмотря на довольно плодотворные связи в тот период, очередное серьезное охлаждение отношений произошло в начале двухтысячных годов. Главным образом это случилось на фоне намечавшейся военной операции коалиции западных стран против режима С. Хусейна. Согласно планам американской администрации, сухопутное вторжение в Ирак должно было осуществляться с двух направлений. В данном контексте северный фронт предполагал использование именно турецкой территории. И официальные переговоры по этому поводу начались еще в 2002 году. Но занимавший тогда пост премьер-министра Бюлент Эчевит в итоге отказался от предоставления подобного коридора.

Консультации вокруг данной темы возобновились с уже новым турецким правительством после ноябрьских парламентских выборов, в результате которых к власти пришла как раз Партия справедливости и развития (ПСР) Эрдогана. В условиях колоссального давления со стороны американцев, возглавивший кабинет министров Абдуллах Гюль, в феврале 2003 года все-таки заявил о поддержке военной интервенции в Ирак. Теперь дело оставалось за формальностью, а именно за официальным утверждением данного решения в парламенте, где большинство имела ПСР.

Обычно в таких случаях депутаты одной фракции действуют в соответствии с генеральной линией руководства. Однако на этот раз лидеры правящей партии отклонились от подобного формата, следовательно, предоставили своим делегатам право самим делать выбор. Надо сказать, для принятия резолюции требовались голоса большинства присутствующих парламентариев. В итоге же только 264 из 533 законодателей поддержали законопроект [6]. Таким образом, предложение Вашингтона было отклонено, что, несомненно, вызвало огромное недовольство среди американского истеблишмента. Данный инцидент привел к определенному ухудшению контактов между Турцией и Соединенными Штатами Америки. В итоге именно эта неприятная история и стала отправной точкой в двусторонних отношениях при Эрдогане.

Фактор Эрдогана во внешней политике Турции

Ретроспективный анализ темы исследования прежде всего был нужен в целях более глубокого понимания современной истории турецко-американских связей. В данном контексте можно сделать вывод, что еще до прихода к власти ПСР время от времени наблюдалась турбулентность в двусторонних отношениях. Но, тем не менее, надо признать, что сегодняшняя напряженность является беспрецедентной по своим масштабам. Ситуация настолько обострилась, что все чаще среди западных политиков и экспертов предметом острых споров становится вопрос о смене геополитической ориентации современной Турции. Соответственно, в связи с этим в том числе возникает дискуссия о целесообразности нахождения страны в НАТО. Так, осенью 2019 года на фоне планировавшейся военной операции Анкары на севере Сирии, известный американский сенатор Линдси Грэм заявил, что он будет «призывать к их (Турции. — Авт.) исключению из НАТО, если они (турки. — Авт.) атакуют курдов...» [7]. Напомним, что тогда Турция, несмотря на подобного рода угрозы, в итоге все же нанесла удары по позициям сирийских курдов и вытеснила их из определенных территорий. В результате подобные действия всколыхнули волну антитурецких настроений на Западе.

Таким образом, с учетом этих и других резонансных событий на данном этапе общественное мнение в европейских странах в целом настроено против Эрдогана и его правительства. В свою оче-

редь, в условиях западных демократий такого рода детали имеют огромное значение в плане выбора государственной стратегии, а в этом конкретном случае выстраивания политики по взаимодействию с Турцией.

Как ни парадоксально, в начальный период правления Эрдогана складывалась совсем иная картина: имидж турецкого лидера был значительно более позитивным. Он многими воспринимался как настоящий реформатор, который активно проводил политическую и экономическую либерализацию своей страны. И такая оценка по большому счету соответствовала истине. В особенности в первое десятилетие данного столетия в Турции произошло очень много изменений, направленных на расширение прав и свобод граждан и укрепления демократии в целом.

К тому же подверженная кризисным явлениям турецкая экономика заметно стабилизировалась и впоследствии стала расти очень высокими темпами. За весьма короткий срок ВВП на душу населения здесь увеличился в более чем три раза, что положительно отразилось на общем благосостоянии жителей.

Между прочим, с самого начала своего правления Эрдоган во внешней политике стремился к углублению сотрудничества с западным миром. Так, при нем заметно активизировалась работа по вступлению Турции в ЕС. Членство в данном интеграционном объединении тогда стало одним из главных стратегических целей турецких властей.

Если же вернуться к конфликту 2003 года вокруг иракской интервенции, важно обратить внимание, что в первую очередь двусмысленный отказ ПСР в предоставлении американцам сухопутного коридора главным образом был продиктован внутривнутриполитическими мотивами. Во-первых, согласно различным опросам, более 90 процентов турецкого населения тогда выступали против войны [8]. Естественно, ни одно правительство не могло себе позволить игнорировать такое обстоятельство при принятии решения. Показательно, что представители оппозиционной Народно-республиканской партии во время голосования полным составом не поддержали американское предложение.

Кроме того, сложившийся в тот период политический расклад предполагал получение гражданскими властями страны негласного одобрения генералитета. В свою очередь, турецкая армия изначально весьма скептически относилась к идее вторжения в Ирак. Подобная точка зрения генштаба во многом объяснялась курдским фактором. В этом случае опасения были связаны с распадом Ирака на несколько частей в результате свержения режима Саддама Хуссейна. Такой сценарий потенциально мог привести к появлению на карте независимого Курдского государства, что стало бы сильным импульсом и для собственного курдского меньшинства Турции. И в контексте данного вопроса использование турецкой территории для наземной операции ставило Анкару в неудобное положение.

Также нельзя забывать и об экономических аспектах. Военные действия в сопредельном государстве подразумевали значительные финансовые убытки для Турции в той или иной форме. По некоторым данным, только вследствие войны 1991 года в Персидском заливе страна потеряла до 40–50 млрд долларов [9].

Важно подчеркнуть, несмотря на все эти весомые аргументы, в конце концов Анкара все-таки пошла на уступки. В частности, турецкие власти дали разрешение американцам использовать свое воздушное пространство для проведения иракской кампании. С этой точки зрения активная эксплуатация упомянутого выше Инджирлика существенно облегчила реализацию военных планов США.

Безусловно, когда стало предельно ясно, что западная коалиция в любом случае не откажется от интервенции, турецкое руководство, скорее всего, решило действовать исходя из вполне прагматических соображений. Другими словами, взамен на предоставление воздушного коридора получить определенные дивиденды, в том числе напрямую связанные с Ираком. Но, с другой стороны, еще одной движущей силой компромисса виделось именно стремление самого Эрдогана не доводить ситуацию до критического момента. Его внешнеполитическая программа никак не предусматривала серьезного раскола в отношениях с Вашингтоном.

Хотя двусторонние связи некоторый период еще оставались достаточно холодными из-за иракского фактора, но в более глобальном смысле это не отразилось на восприятии Турции как важного элемента обеспечения коллективной безопасности в рамках НАТО. В итоге во время второго срока Буша-младшего стороны постепенно стали восстанавливать сотрудничество. Контакты заметно активизировались уже при президентстве Обамы. Сближению позиций не в последнюю очередь способствовала ближневосточная стратегия его администрации. В данном контексте Турции отдавалась одна из центральных ролей в продвижении американских интересов в данном регионе. Главным образом, правительство Эрдогана воспринималось в качестве некоей модели развития для других ближ-

невосточных обществ. Происламская Партия справедливости и развития в определенной мере должна была олицетворять собой концепцию о совместимости ислама и демократии.

Подобная оценка особенно усилилась на фоне так называемой «арабской весны», когда в результате революции в ряде арабских стран произошло падение старых авторитарных режимов. Последовавшая за этими событиями политическая либерализация привела к власти близкие по идеологии к ПСР группы. Например, так случилось в Египте и Тунисе. Можно сказать, что в этот отрезок истории Эрдоган был на пике своей популярности не только внутри своей страны, но и на международной арене. В 2012 году в своем интервью Обама даже назвал его в числе пяти мировых лидеров, которым он больше всего доверяет [10].

Однако затем общий фон стал быстро меняться. С этой точки зрения поворотным моментом являлись масштабные протесты 2013 года, в которых участвовали миллионы недовольных правительством Эрдогана турецких граждан. Продолжавшиеся на протяжении многих недель демонстрации в итоге были жестко подавлены властями. Естественно, подобная реакция турецкого лидера тогда вызвала резкую критику западных стран.

В дальнейшем жесткий стиль правления Эрдогана становился все более очевидным. Давление на оппозиционно настроенных групп и людей особенно усилилось после попытки государственного переворота 2016 года. Введенный после этого происшествия режим чрезвычайного положения позволил правительству провести повсеместную зачистку. Под удар попали не только связанные с движением Гюлена люди, но и представители гражданского общества, а также, что важно, и турецкая армия. В последнем случае полностью деморализованная военная элита теперь уже окончательно лишилась своего исторического статуса как важного участника социально-политической жизни государства.

Между тем в 2017 году прошел референдум по внесению изменений в конституцию республики. После одобрения плебисцита Турция стала страной с президентским управлением. Многие увидели в этом своего рода символизм, а именно отсылку к Атаатюрку, который в свое время также был президентом. При этом он имел довольно широкие властные полномочия.

Все эти и другие моменты главным образом демонстрировали общее ухудшение ситуации с демократией. Соответственно, подобная тенденция со временем стала вызывать серьезные разногласия с западными партнерами.

Одновременно с изменениями на внутреннем поле определенной трансформации подвергалась и внешняя политика страны. С этой точки зрения заметно сместились акценты турецкого правительства. Если раньше единственным приоритетным направлением выступали отношения с США и Европой, теперь же внешняя дипломатия Анкары все чаще ориентирована на Ближний Восток, а в более широком смысле на мусульманский мир. При этом ПСР стал уделять особое внимание углублению связей с другими мировыми и региональными державами, которые в известной степени рассматриваются в качестве геополитических конкурентов условного Запада. Здесь, прежде всего, имеются в виду такие страны, как Китай и Россия. Между прочим Эрдоган фактически разорвал политические связи с Израилем — основным союзником американцев в данном регионе. Также стоит отметить его поддержку венесуэльского президента Мадуро, относительно теплые отношения с иранским режимом и много других вещей, не только раздражающих США и Европу, но и все больше укрепляющих представление об антизападном курсе турецкого президента.

В итоге возникает вполне резонный вопрос о причинах подобной эволюции мировоззрения Эрдогана. Все-таки за сравнительно небольшой срок его политические взгляды кардинально поменялись.

В связи с этим есть мнение, что изначальное сближение с Западом было своего рода тактическим ходом со стороны Эрдогана [11]. Особенно на первом этапе нахождения у власти ПСР имел достаточно шаткие позиции. Дело в том, в современной истории страны вооруженные силы всегда занимали привилегированную позицию. При этом здесь армия возложила на себя ответственность защиты светского строя государства. Следовательно, довольно часто турецкие военные совершали перевороты, в том числе и против политических сил происламского толка. Таким образом, учитывая религиозное составляющее в идеологии Партии справедливости и развития, тогда существовала реальная перспектива свержения правительства Эрдогана. Такая ситуация требовала от турецкого лидера маневрирования. Тем самым продвижение демократических норм при поддержке Запада вполне могло преследовать цель нивелирования доминирующей роли генералитета.

Впрочем, недвусмысленные сигналы крупных европейских государств о неготовности принять Турцию в ЕС в известной мере также способствовали переосмыслению Эрдоганом собственной внешнеполитической концепции [12].

Кроме того, нельзя забывать о том, что экономическое усиление Турции также стало фактором более активной внешней политики Эрдогана. Реализация крупной внешней стратегии требует значительных финансовых ресурсов.

В контексте последних лет стоит отметить возникновение альянса между Партией справедливости и развития и Националистической партией. В феврале 2018 года две политически силы сформировали блок для участия на парламентских и президентских выборах. Надо сказать, что данный союз все еще продолжается. Естественно, что все это накладывает отпечаток на действиях ПСР. В том числе наступательная внешняя политика частично связана как раз с этим фактором [13].

Заключение

После избрания Байдена риторика Эрдогана и турецкого правительства, в целом, резко изменилась. С этой точки зрения вопросы демократии и реформ вновь вышли на повестку дня. Более того, Анкара предложила компромиссный вариант решения проблемы с С-400.

Подобная картина главным образом показывает прагматичность Эрдогана как политика. В принципе турецкий лидер всегда был известен своим умением действовать в зависимости от сложившейся ситуации. В свою очередь, сегодняшняя обстановка как раз диктует необходимость восстановления отношений с Западом и, в частности, с США.

Главным аргументом такой перспективы является, прежде всего, чисто экономический фактор. В настоящий момент на фоне глобального кризиса Турция также переживает серьезные трудности. Главным образом из-за резкого сокращения поступлений от экспорта и туризма сильно пострадал бюджет страны. Кроме того, это привело к значительному ухудшению платежного баланса, который и так долгие годы находился в отрицательной зоне. В итоге, это начало оказывать давление на национальную валюту. В целях поддержки курса лиры Центральный банк Турции по состоянию на конец прошлого года согласно приблизительным оценкам потратил до 50–60 млрд долларов [14]. Но, тем не менее, даже несмотря на такие усилия правительства, к прошлому ноябрю турецкая валюта потеряла 40 процентов от своей стоимости по сравнению с началом года. Центральный банк уже не мог сдерживать курс за счет интервенций, так как запасы были фактически истощены. Таким образом, любая серьезная американская санкция потенциально может привести к новому кризису в турецкой экономике. На этом фоне Анкаре важно так или иначе договориться с Вашингтоном.

В то же время для администрации Байдена также выгодно нахождение компромиссного решения по спорным моментам. Эскалация ситуации может привести к резкому усилению антиамериканизма как внутри турецкого общества, так и среди турецкого истеблишмента. Подобное развитие событий не отвечает долгосрочным интересам США. Кроме того, роль Турции имеет огромное значение с точки зрения проведения ближневосточной политики.

В итоге эти и другие моменты позволяют предположить о вероятном консенсусе между двумя странами. Хотя в большой политике всегда есть место неожиданностям. Соответственно, нельзя исключать и более негативный сценарий.

Список литературы

- 1 Spicer J. (2020) Turkey slams Biden's past call for US to back Erdogan opponents. Reuters. *reuters.com*. Retrieved from <https://www.reuters.com/article/us-usa-election-biden-turkey-idUSKCN25B0XS>.
- 2 Bedil B. (2020) What Biden's victory means for Turkey. Besa center. *besacenter.org* Retrieved from <https://besacenter.org/wp-content/uploads/2020/11/1811-Biden-and-Turkey-Bekdil-final-1.pdf>.
- 3 Soner Cagaptay (2020). The New Sultan: Erdogan and the Crisis of Modern Turkey. I.B. Tauris, Bloomsbury Publishing Plc.
- 4 Mahmut D. (2014) The US arms embargo of 1975–1978 and its effects on the development of the Turkish defense industry. *thesis for the degree of Master*. Monterey.
- 5 Weiner T. (1999) US helped Turkey find and capture Kurd rebel. New York Times. *nytimes.com*. Retrieved from <https://www.nytimes.com/1999/02/20/world/us-helped-turkey-find-and-capture-kurd-rebel.html>.
- 6 Soner Cagaptay (2020). The New Sultan: Erdogan and the Crisis of Modern Turkey. I.B. Tauris, Bloomsbury Publishing Plc.
- 7 Carney J. (2019) Graham, Van Hollen pledge bipartisan sanctions on Turkey if it attacks kurds. The Hill. *Thehill.com*. Retrieved from <https://thehill.com/homenews/senate/464649-graham-van-hollen-pledge-bipartisan-sanctions-on-turkey-if-they-attack-kurds?rl=1>.

- 8 Amanpour C. (2003) Turkey rejects US troop proposal. CNN. *cnn.com* Retrieved from <https://edition.cnn.com/2003/WORLD/meast/03/01/sprj.irq.main/>.
- 9 Kaya K. (2011) The Turkish-American crisis: an analysis of 1 march 2003. *Military review*, Vol. 4, 69–75. Retrieved from https://www.armyupress.army.mil/Portals/7/military-review/Archives/English/MilitaryReview_20110831_art012.pdf.
- 10 Aydintasbas A., Kirisci K. (2017) The United States and Turkey: friends, enemies, or only interests? — Brookings. *Brookings.edu*. Retrieved from https://www.brookings.edu/wp-content/uploads/2017/04/aydintasbas-kirisci_united-states-and-turkey.pdf.
- 11 Soner Cagaptay (2020). *The New Sultan: Erdogan and the Crisis of Modern Turkey*. I.B. Tauris, Bloomsbury Publishing Plc.
- 12 Soner Cagaptay (2020). *The New Sultan: Erdogan and the Crisis of Modern Turkey*. I.B. Tauris, Bloomsbury Publishing Plc.
- 13 Pitel L. (2020) Erdogan's ultranationalist friends fuel ruling party tensions. *Financial Times*. *ft.com*. Retrieved from <https://www.ft.com/content/e4637711-fe4f-41aa-b0a8-c447def10a9e>.
- 14 Soylu R. (2020) Turkey's lira: The story of an epic downfall. *Middle East Eye*. *middleeasteye.net*. Retrieved from <https://www.middleeasteye.net/big-story/turkey-lira-economy-epic-downfall>.

Н.Н. Султанмуратов, Ф.Т. Кукеева, Е.С. Чукубаев, А.Б. Смаилова

Байденнің президенттігі кезіндегі түрік-америка қарым-қатынастарының келешегі

Бытырғы жылдың қарашасында өткен Америка Құрама Штаттары президентінің сайлауы әдеттегідей әлемдік қауымдастықтың үлкен қызығушылығын тудырды. Кез келген жаңа американдық әкімшілік әрдайым Ақ үйдің саясатының белгілі бір деңгейде өзгеруін білдіреді. Бұл ішкі мәселелерге де, сондай-ақ сыртқы саясатқа да қатысты. Тиісінше, демократиялық партияның үміткері Джо Байденнің жеңісі көптеген мамандармен осы тұрғыдан бағалануда. Айта кету керек, Байден өзінің сайлау алды сөздерінде Трамптың белгілі бір шешімдерін қайта қарастыратындығын айтқан болатын. Қазіргі заманғы жаһандық үрдістер тұрғысынан сыртқы саясаттағы жағдай әсіресе өзекті болып табылады. Және осы орайда американдық стратегияның түпкілікті өзгерісі күтілуде. Бұл мысалы, Түркиямен қарым-қатынастарға да тиісті. Қазіргі уақытта Вашингтон мен Анкараның байланыстары қиын кезеңнен өтіп жатыр. Сонымен бірге, Байденнің билікке келуімен жағдай одан да ушығып кетуі мүмкін. Күн тәртібінде Эрдоған үкіметіне қарсы американдық санкциялардың енгізілуі тұр. Әрине, осындай сценарий екі мемлекеттің арасына үлкен жік салуы мүмкін.

Кілт сөздер: Байден, Эрдоған, президенттік сайлау, Америка Құрама Штаттары, Түркия, сыртқы саясат.

N. Sultanmuratov, F. Kukeyeva, E. Chukubayev, A. Smailova

Prospects for Turkish-American relations under a Biden presidency

The last November's presidential election in the United States of America have traditionally aroused great interest from the entire world community. As it is known, any new American administration always presupposes, to one degree or another, changes in the policy of the White House, both domestically and in the international arena. Accordingly, the final victory of the Democratic candidate Joe Biden is perceived by many in this context. Moreover, his campaign rhetoric clearly indicated a revision of certain Trump decisions. From the point of view of modern global processes, the situation with foreign policy is especially relevant. And in this case, a thorough revision of the American strategy is expected. The same applies to relations, for example, with Turkey. At the moment, ties between Washington and Ankara are going through difficult times. At the same time, with the arrival of Biden, the situation may worsen even more. On the agenda is the question of the possible introduction of American sanctions against the Erdogan government. Of course, such a scenario is capable of causing a serious split between the two states.

Keywords: Biden, Erdogan, presidential election, the United States of America, Turkey, foreign policy.